

БИКБУЛАТОВ Р.Х.,

аспирант кафедры гражданского права и процесса
и международного частного права
Юридического института РУДН им. Патриса Лумумбы,
ORCID iD: 0009-0002-3737-0198,
e-mail: info@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПРЯМЫХ И КОСВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ ПРИ СУБОРДИНАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ

Аннотация. В статье анализируются подходы судов к доказательственной деятельности участвующих в деле о банкротстве должника лиц по заявлениям о включении в реестр требований, по которым применяется механизм субординации (понижения очередности удовлетворения) требований кредиторов. Анализируются судебные акты по делам о банкротстве с точки зрения теоретической классификации доказательств на прямые косвенные доказательства, дается характеристика переносу бремени доказывания судами при рассмотрении обоснованности заявлений о включении в реестр требований кредиторов.

Ключевые слова: дело о банкротстве, субординация, реестр требований кредиторов, прямые и косвенные доказательства, бремя доказывания, перенос бремени доказывания.

BIKBULATOV R.Kh.,

Postgraduate Student, Department of Civil Law and Procedure
and International Private Law
at the Patrice Lumumba Law Institute of RUDN University,
ORCID ID: 0009-0002-3737-0198

ON THE QUESTION OF DIRECT AND INDIRECT EVIDENCE IN THE SUBORDINATION OF CREDITORS' CLAIMS

Annotation. The article analyzes the approaches of courts to the evidentiary activities of persons involved in the debtor's bankruptcy case on applications for inclusion in the register of claims for which the mechanism of subordination (lowering the priority of satisfaction) of creditors' claims is applied. Judicial acts on bankruptcy cases are analyzed from the point of view of the theoretical classification of evidence into direct indirect evidence, and a description is given of the transfer of the burden of proof by the courts when considering the validity of applications for inclusion in the register of creditors' claims.

Key words: bankruptcy case, subordination, register of creditors' claims, direct and indirect evidence, burden of proof, shifting the burden of proof.

Вопрос субординации требований кредиторов в делах о банкротстве должника по праву считается магистральным [1] для современной российской юридической науки и правоприменения.

Правоведы, определяя дефиницию «субординации требований кредиторов» сходятся во мнении, что под ним следует понимать ситуации, при которых требования отдельного кредитора (контролирующего должника или аффилированного с ним) понижаются в очередности удовлетво-

рения относительно независимых кредиторов [2; 3].

Однако суды при применении механизма субординации требований кредиторов ввиду отсутствия законодательного регулирования в данной части ссылаются на правовые подходы, изложенные в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января

2020 г.), пункт 5 которого предусматривает возможность отказа в удовлетворении заявления о включении в реестр требований аффилированного с должником лица. В данном пункте описывается случаи внутригруппового перераспределения полученных должником по кредитному договору от банка денежных средств, долг по которому был погашен поручителем, входящим в одну группу с должником.

Таким образом, правоприменительная практика определяет субординацию шире, относя к ней как случаи понижения в очередности удовлетворения требований, так и отказа во включении в реестр требований вообще.

Сам институт субординации требований кредиторов не является отечественной разработкой и был заимствован из зарубежных правовых порядков. Так, судебной практике Германии данный институт известен с 20-х годов прошлого века, когда Имперский суд рассмотрел дело о включении в реестр требований участника Общества, которому до этого предоставил несколько займов [4]. Суд усмотрел в действиях участника Общества злоупотребление правом и указал, что имущество юридического лица в ситуации банкротства предназначено для удовлетворения требований кредиторов, а не обращения в пользу его участников.

Вместе с тем, нельзя констатировать, что в отечественном законодательстве отсутствуют предпосылки для возникновения и развития института субординации требований кредиторов.

Так, абзац 8 ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не относит к числу конкурсных кредиторов требования учредителей (участников) должника по обязательствам, вытекающим из такого участия. Анализ судебной практики и правовых подходов, заложенных в упомянутом выше Обзоре судебной практики дает основания полагать, что правовым базисом для формирования правового явления субординации требований кредиторов является именно корпоративная природа таких требований в целом, и попытки аффилированных кредиторов по докапитализации находящегося в кризисном состоянии зависимого лица, в частности. При этом, нередко суды ссылаются на то, что ожидаемым стандартом поведения добросовестного участника являлось бы увеличение уставного капитала, а гражданско-правовые сделки между должником и аффилированным к нему кредитором признают притворными [5; 6; 7].

Между тем, недостаточно раскрытыми остаются вопросы доказывания при применении института субординации требований кредиторов.

Так, исследователи обращают внимание, что для аффилированных к должнику кредиторов

применяется повышенный стандарт доказывания [2; 8], такие кредиторы должны доказать наличие имущественных требований к должнику «вне разумных сомнений» [9]. Суды в своих актах, посвященных рассмотрению заявлений о включении в реестр требований кредиторов указывают, что на аффилированном к должнику кредиторе лежит обязанность представить «ясные и убедительные доказательства» [10].

Между тем, такие требования судов кажутся не вписывающимися в традиционную отечественную модель доказательственного права, выделяющему 4 свойства доказательств по гражданскому делу: относимость, допустимость, достоверность и достаточность (ст. 67, 67 АПК РФ, ч. 2 ст. 71 АПК РФ). Требования ясности, убедительности доказательств в настоящее время не определены законодательством и им не дана научно корректная формулировка. Стандарты доказывания изучаются российскими юристами, однако говорить о единодушии в позиции относительно принятия данного явления отечественным правовым порядком не приходится [4].

Определяя специфику доказывания по заявлениям о включении в реестр требований кредиторов, необходимо отметить следующее. Процедура доказывания по заявлениям о включении в реестр требований кредиторов мало чем отличается от доказывания по искам о присуждении. Кредитору необходимо доказать наличие и действительность материально-правового (денежного) требования к должнику, размер этого требования и наступление срока исполнения. Специфика, обусловленная законодательством о банкротстве, предполагает включение в предмет доказывания также установление факта того, что требования кредитора к должнику возникли до даты принятия заявления о признании должника банкротом (п. 1 ст. 5 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

При этом, установленное ч. 1 ст. 65 АПК РФ правило об обязанности доказывания каждым лицом, участвующим в деле, тех обстоятельств, на которые оно ссылается как на основание своих требований или возражений, в полной мере применимо к рассмотрению заявлений о включении в реестр требований должника. К доказательствам, представляемым кредитором в качестве подтверждающих основания заявленных требований к должнику, предъявляются также требования относимости, достаточности, допустимости и достоверности. Последнее требование в контексте логики доказательственного права означает соответствие фактическим обстоятельствам дела сведений, указанных в тех или иных средствах доказывания.

Однако помимо традиционной законодательной классификации доказательств, данной в гл. 7 АПК РФ, выделяющей в качестве источников получения доказательственной информации (средств доказывания) письменные, вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключение эксперта, консультации специалиста, показания свидетелей, иные документы и материалы, теории гражданского процесса известно разделение доказательств на прямые и косвенные.

П.Н. Сафонов определяет понятие прямых и косвенных доказательств, указывая, что «деление доказательств на прямые и косвенные основано на том, что прямые содержат сведения об обстоятельствах, составляющих предмет доказывания, косвенные – о так называемых доказательственных, промежуточных, вспомогательных фактах, не относящихся к предмету доказывания» [11].

Разделяет эту точку зрения А.И. Бычков, указывая, что косвенные доказательства устанавливают юридически значимое обстоятельство через промежуточный факт [12].

Трудно согласиться с приведенными мнениями, поскольку при отсутствии общепризнанного понятия промежуточного факта говорить о его процессуальной ценности для доказывания обстоятельств, имеющих юридическое значение не приходится. Тем более, мыслимы ситуации, при которых косвенные доказательства в своей совокупности могут подтвердить искомый факт. Так, несложно себе представить ситуацию, при которой, к примеру, факт повреждения имущества, находящегося в помещении, может быть доказан самим фактом наличия повреждений на имуществе и нахождении ответчика в указанном помещении без посторонних лиц в условиях отсутствия видеозаписей, показаний свидетелей, которые бы могли прямо и недвусмысленно подтвердить указанный факт. Либо факт выдачи займа может быть подтвержден снятием с банковского счета займодавца суммы, соответствующей по размеру сумме займа и зачислению той же суммы наличных на счет заемщика в условиях отсутствия расписки.

Более удачным представляется определение прямых и косвенных доказательств, данное С.В. Курылевым [13]. Теория, разработанная С.В. Курылевым, делала акцент на наличии однозначных и многозначных связей между доказательством и искомым фактом. Однозначная связь, писал ученый, возможна тогда, когда между логическим доказательством и искомым фактом может быть только одна возможная связь (временная, причинно-следственная пространственная или иная). Так, например, отсечение головы от тела

человека единственно возможно свидетельствует о его смерти, т.е. для доказывания факта смерти факт отсечения головы является прямым доказательством. Говорить о косвенном доказательстве можно тогда, когда существуют логические связи между известным фактом и неизвестным фактом (искомым фактом, входящим в предмет доказывания), но кроме того, известный факт с той же вероятностью указывает на иные факты, отличные от искомого. Так, например, тот же самый факт отсечения головы от тела человека может свидетельствовать как о несчастном случае, так и умышленном убийстве, так и причинении смерти по неосторожности. Только путем исключения всех иных связей между косвенным доказательством и всеми возможными вариациями выводов из него, помимо искомого факта, либо подтверждения связи косвенного доказательства и искомого факта еще одним доказательством возможно использование косвенного доказательства. Так, например, в приведенном примере, исключение возможности несчастного случая и исключение возможности причинения смерти по неосторожности, отсеченная голова будет свидетельствовать об умышленном убийстве.

Попробуем преломить эту логику применительно к рассмотрению обособленных споров в делах о банкротстве о включении требований в реестр должника, в которых применяется субординация требований кредиторов.

Как известно, п. 6, 7 ст. 16 Закона о банкротстве устанавливают, что требования кредиторов включаются в реестр требований кредиторов на основании вступивших в силу судебных актов, устанавливающих их состав и размер, а в реестре указываются сведения о каждом кредиторе, о размере его требований к должнику, об очередности удовлетворения каждого требования кредитора, а также основания возникновения требований кредиторов.

Таким образом, порядок рассмотрения арбитражным судом обоснованности заявления о включении в реестр требований кредиторов не отличим от ординарного искового производства по искам о присуждении, определяемым с учетом предмета иска. Предмет доказывания по таким заявлениям составляют факты наличия задолженности, надлежащее основание (сделка, положения закона и т.п.), их действительность и заключенность (в случае, если основанием для заявления требований является сделка), наступления срока исполнения обязательства.

Не вызывает сомнений факт того, что указанные элементы предмета доказывания должны быть установлены прямыми доказательствами или совокупностью косвенных доказательств, достоверно подтверждающих наличие искомого

фактов. Так, по требованиям, основанным на договоре купли-продажи, например, такими доказательствами будут являться сам текст договора, подписанный обеими сторонами, товарная накладная, подтверждающая передачу товара от кредитора должнику и факт отсутствия оплаты. Текст договора подтвердит в данном случае действительность и факт заключения договора, наличие обязанности оплатить товар; товарная накладная (иной передаточный документ) будет подтверждать факт исполнения обязательства со стороны продавца (кредитора).

Так, включая в третью очередь реестра требований кредиторов ООО «Объединение АгроЭлита» требование кредитора ООО «Ветекс», вытекающее из договора поставки кормовых и ветеринарных препаратов, Арбитражный суд Красноярского края по делу № А33-36190/2023 сослался на договор поставки, его пункты, регламентирующие предмет договора, порядок оплаты и момент исполнения обязательства продавцом, а также на универсальные передаточные документы, подтверждающие фактическое исполнение продавцом обязанности передать товар, а со стороны покупателя – по его приемке [14]. Вместе с тем, стоит отметить, что в данном случае суд также сослался на решение Арбитражного суда г. Москвы, принятого между теми же сторонами в ординарном исковом процессе, по результатам которого с ответчика в пользу истца взысканы денежные средства в размере, соответствующем размеру заявляемых в реестр требований. С учетом положений ч. 2 ст. 69 АПК РФ допустимо было бы обосновать определение о включении в реестр требований ссылкой на состоявшееся решение другого арбитражного суда по спору между теми же сторонами, однако не будет являться ошибкой перепроверка судом обоснованности заявленных требований по существу, тем более с учетом положений п. 2 ст. 7, п. 2 ст. 39 Закона о банкротстве, согласно которым вступившее в законную силу решение суда о взыскании с должника в пользу кредитора денежных средств требуется только при подаче заявления о признании должника банкротом, для заявления о включении в реестр требований кредиторов такого акта не требуется.

Очевидно, что перечисленные в упомянутом определении арбитражного суда доказательства однозначно связаны с искомными по делу фактами – фактом заключения между сторонами договора (возникновения обязательства из обязательственного правоотношения), фактом поставки товара в соответствии с условиями договора и принятия его покупателем (должником) и фактом отсутствия оплаты в договорных ценах.

Иначе обстоит дело с выполнением бремени доказывания для независимых кредиторов или

арбитражного управляющего при заявлении доводов о некорпоративной (капиталозамещающей) природе отношений между заявляющим кредитором и должником, и необходимостью применения в связи с этим механизма субординации требований кредиторов.

Как известно, доктрина субординации требований кредиторов в отечественном правопорядке основана на понятии конкурсного кредитора, данном ст. 2 Закона о банкротстве, которая не относит к числу таких кредиторов учредителей (участников) должника по требованиям, вытекающим из такого участия. Такие лица в соответствии со ст. 148 Закона о банкротстве получают непроданное на торгах имущество должника, от которого отказались кредиторы, либо имущество, оставшееся после расчетов с кредиторами, что сложно себе представить с учетом оснований для возбуждения дела о банкротстве, главным образом, заключающееся в его недостаточности для расчетов с кредиторами.

Общий посыл для судов в вопросе доказывания по подобной категории дел сформулирован в п. 3.4. Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г.), в котором описан случай представления независимым кредитором выписки по счету должника за период, предшествующий финансированию, оформленному договором займа, и заявлению им довода о том, что финансирование было предоставлено в ситуации имущественного кризиса. При этом, Высшая судебная инстанция указала, что предоставленное независимым кредитором доказательство было косвенным, а также заметила, что контролирующее должника лицо обладает значительно большим, по сравнению с независимым кредитором, объемом информации о структуре активов и пассивов должника, его деятельности состоянии расчетных обязательств и иных факторах. Последний довод ВС РФ, скорее всего, можно истолковать как обоснование перенесения бремени доказывания на заявляющего кредитора. Подводя итог, Верховный Суд РФ отметил, что неустраненные контролирующим лицом разумные сомнения относительно того, являлось ли предоставленное финансирование компенсационным, толкуются в пользу независимых кредиторов. Верховный Суд РФ, прямо указывая на то обстоятельство, что предоставленная независимым кредитором выписка по счету является косвенным доказательством, в то же время, указал на некие неустраненные сомнения в капиталозамещающем (компенсационном) характере финансирования должника. Сам термин неустраненные

сомнения более характерен для англо-американской системы доказательственного права, которой известны, так называемые стандарты доказывания, одним из которых является стандарт доказывания «вне разумных сомнений», предполагающий, что для вынесения решения по делу должны быть устранены все возникающие сомнения относительно вероятности существования искомого факта [15]. При этом, источник формирования таких разумных сомнений не обязательно связан с представленными возражающей стороной доказательств (хоть бы и косвенных), поскольку выработанные западной юриспруденцией конструкции стандартов доказывания относятся к стадии оценки доказательств [16], а следовательно, зародить сомнения в таком внутреннем логико-мыслительном процессе судьи как оценка доказательств возможно путем возражений, суть которых будет сводиться к аргументации порочности представленных противной стороной доказательств. По этой причине совместное указание в п. 3.4. Обзора косвенного доказательства и неустраненных сомнений представляется не совсем удачным.

Иначе дело обстоит с уже упомянутой выше в качестве косвенного доказательства выпиской по счету, из содержания которой следует, что финансирование было предоставлено должнику в период имущественного кризиса. Преломляя данное обстоятельство в призме рассуждений С.В. Курылева, следует следующее.

Для независимого кредитора, заявляющего о необходимости применения в отношении требований того или иного кредитора механизма субординации искомым фактом (фактом, подлежащим доказыванию) является корпоративный характер финансирования (в рассматриваемом случае — докапитализация зависимого общества с целью скрыть от внешних кредиторов ситуацию финансового кризиса с одновременным умыслом на уход от механизма увеличения уставного капитала). Упрощая эту конструкцию, можно сказать о том, что независимому кредитору необходимо доказать факт того, что заявляющий кредитор фактически пополнил оборотный капитал компании. Данный факт является неизвестным фактом в силу того, что он совершен в прошлом и судебная ситуация противоборства интересов сторон предопределяет желание второй стороны скрыть указанное обстоятельство. Само по себе представление документа, свидетельствующего о неблагоприятном финансовом состоянии должника в момент получения финансирования не позволяет однозначно утверждать о капиталозамещающей природе займа, поскольку в случае рыночных условий заёмного финансирования, определения разумного срока пользования займом и принятия займодавцем стандартных мер к

истребованию задолженности будет свидетельствовать, что между сторонами сложились типичные заёмные правоотношения (см. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 г. N 308-ЭС17-1556 по делу N А32-19056/2014 (2)). Таким образом, следует заключить, что выписка по счету о неблагоприятном финансовом состоянии должника имеет, как минимум два вероятных вывода: либо о том, что заём предоставлен с целью выхода из кризиса зависимого от займодавца должника; либо о том, что заём является типичной сделкой двух, хотя и аффилированных друг к другу, хозяйствующих субъектов. Автоматическая субординация требований контролирующих должника лиц негативно скажется на динамике экономических отношений с учетом сложившегося подхода диверсификации бизнеса. Так, только ГК «Ростех» объединяет через участие в уставном капитале более 700 предприятий оборонно-промышленного комплекса. Частный бизнес также стремится к специализации направлений бизнеса по предметному принципу (к примеру, строительные компании регистрируют проектно-изыскательские компании, подрядные организации, управляющие компании и т.п.). Очевидно, что внедрение правового механизма жесткой субординации может негативно отразиться на динамике развития рыночных отношений в текущей парадигме.

В деле № А56-104886/2022 при рассмотрении обоснованности заявления о включении в реестр требования кредитора, основанного на договоре подряда, доказательствами, представленными арбитражным управляющим, учтенных, в том числе, в качестве оснований для субординации требования кредитора, явились нетипичное поведение сторон сделки (осуществление кредитором-подрядчиком ремонта имущества должника за свой счет, хотя договором предусматривался ремонт за счет давальческого сырья, хаотичные оплаты по договорам, перенос оплат с одного договора на другой), совпадение судебных представителей кредитора и должника, что дало суду основание полагать о фактической связанности сторон сделки.

Также интерес представляет механизм переноса бремени доказывания при представлении независимым кредитором или арбитражным управляющим косвенного доказательства, подтверждающего, в том числе, вероятностную возможность корпоративности требований заявляющего кредитора.

Общее правило доказывания, сформулированное в ст. 65 АПК РФ возлагает обязанность доказывания того или иного факта на лицо, ссылающееся на данный факт в качестве основания своих требований или возражений.

И.В. Решетникова указывает, что перенос бремени доказывания является приемом процессуального выравнивания сильной и слабой сторон судопроизводства, указывая, что исключения из общего правила распределения бремени доказывания обозначены в законодательстве [8]. Обосновывая этот тезис, И.В. Решетникова указывает на сформулированное в самой ст. 65 АПК РФ правило доказывания по делам об оспаривании актов, решений органов публичной власти и ссылается на правовые презумпции и фикции как частные проявления перераспределения бремени доказывания.

Однако отдельные отступления от общего правила распределения бремени доказывания сформулированы судебной практикой.

Так, Конституционный суд РФ в Постановлении от 3 апреля 2023 г. N 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» указал, что предоставленные п.2, 3 ст. 428 ГК РФ способы защиты потребителя, заключившего договор присоединения (изменение или расторжение договора присоединения при явной обременительности его условий для присоединившейся стороны), предполагают выравнивание процессуального положения сторон посредством деятельности суда по перераспределению бремени доказывания от потребителя к продавцу [17].

Представляется, что суды, отступая от сформулированного законодателем правила «доказывает тот, кто ссылается», руководствуются принципом процессуального равноправия сторон судопроизводства, и в ситуациях, явно свидетельствующих об отсутствии у одной из тяжущихся сторон возможности получения доказательств, прибегают к именно перераспределению бремени доказывания, а не к судебному запросу как способу обеспечения получения доказательств, поскольку последствием невыполнения бремени доказывания является признание судом обстоятельств, соответственно, установленными или опровергнутыми по аналогии с положениями ч. 3 ст. 79 ГПК РФ.

Не будет ошибкой утверждать, что при рассмотрении обоснованности заявлений о включении в реестр требований кредиторов и заявлении независимым кредиторов доводов о корпоративной природе требований со ссылкой на косвенные доказательства, суд переносит на заявляющего кредитора бремя доказывания отсутствия связи этого косвенного доказательства с обстоятельствами, свидетельствующими о корпоративном характере отношений между кредитором и должником. Происходит это по причине того, что независимый кредитор априори ограничен, если не

сказать, лишен возможности представления полноценных прямых доказательств, всесторонне обосновывающих заявляемые доводы по причине, обусловленной материально-правовой взаимосвязью аффилированного кредитора и должника. Последние, являясь корпоративно связанными, имеют возможность создать внешне безупречный и типично применяемый набор документов, с виду свидетельствующих о наличии ординарных обязательственных правоотношений, а документы о корпоративной связи кредитора и должника, как правило скрыты для внешних контрагентов.

Выравнивая этот «перекос», суды возлагают на заявляющего кредитора опровергнуть доводы независимого кредитора, а точнее, представленные им косвенные доказательства в контексте той их связи, которая имеет место быть с вероятной корпоративной природе взаимоотношений, а при его невыполнении делают вывод о неподтвержденности обоснованности требований о включении в реестр требований кредиторов. Представляется, что использование в судебных актах термина «неопровергнутые сомнения относительно корпоративно-правовой природы отношений» не совсем удачно, так как судебный акт не может быть основан на предположениях. Вместе с тем, не стоит полагать, что изложенная ситуация является типичной с точки зрения отсутствия законодательной основы в части презюмирования корпоративной природы заявленного требования при представлении независимым (внешним) кредитором косвенных доказательств, вероятностно свидетельствующих о том, что требование может носить корпоративный характер.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы.

1. Заявления кредиторов о включении в реестр требований должника должны быть подтверждены прямыми доказательствами или совокупностью косвенных доказательств, очевидно подтверждающих все элементы предмета доказывания, определяемого с учетом предмета иска (материально-правового основания заявляемого требования).
2. Возражения независимого кредитора (лица, участвующего в деле о банкротстве), суть которого сводится к корпоративной природе заявленного требования, могут быть подтверждены косвенными доказательствами, одним из вероятностных связей которого может указывать на корпоративный характер требования заявляющего кредитора к должнику.
3. Представление независимым кредитором доказательств, указанных в п. 2, возлагает

на заявляющего кредитора обязанность опровергнуть наличие связей такого косвенного доказательства с фактом возможного корпоративного характера финансирования, предоставленного должнику.

4. Отсутствие у заявляющего кредитора доказательств, опровергающих наличие корпоративного характера финансирования, не означает наличия сомнений как основание для вынесения судебного акта о субординации, а свидетельствует о неисполнении бремени доказывания заявляющим кредитором по заявлению о включении в реестр требований кредиторов.

Список литературы:

- [1] Титова Е.С. Формирование реестра требований кредиторов: правовые аспекты. – Москва: Издательский дом «Юр-ВАК», 2020 – 84 с.
- [2] См., например, Коновалов Р.Р. Субординация требований кредиторов в деле о банкротстве, журнал «Судья», N 7, июль 2023 г.
- [3] См., например, Шайдуллин А.И., диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Москва – 2022, 251 с.
- [4] Уварова Ю. А. Становление и развитие института субординации требований кредиторов в Германии / Ю. А. Уварова. // Молодой ученый. — 2020. — № 18 (308). — С. 339-341.
- [5] См., например, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 июля 2025 г. N Ф07-6159/25 по делу N А56-69778/2023. // СПС «Гарант». (дата обращения 17.02.2026).
- [6] См., например, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 ноября 2024 г. N Ф05-3147/22 по делу N А40-23865/2021. // СПС «Гарант». (дата обращения 17.02.2026).
- [7] См., например, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 9 сентября 2024 г. N Ф08-7461/24 по делу N А53-5072/2022. // СПС «Гарант». (дата обращения 17.02.2026).
- [8] Справочник по доказыванию в арбитражном процессе (коллектив авторов; под ред. проф. И.В. Решетниковой) (издание второе, перераб. и доп.). - М.: «Норма: ИНФРА-М», 2022. - 480 с.
- [9] Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия. N 5 специальный выпуск. 2019. С. 40-41.
- [10] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13 июля 2018 г. № 308-ЭС18-2197 по делу N А32-43610/2015; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 6 июня 2025 г. N Ф04-4871/21 по делу N А45-19279/2020; Постановление Арбитражного

суда Уральского округа от 12 марта 2025 г. N Ф09-8541/22 по делу N А76-25297/2021. // СПС «Гарант». (дата обращения 17.02.2026).

[11] Сафоненков П.Н. Экзамен на статус адвоката. Учебно-практическое пособие (в двух частях, часть вторая; издание второе, перераб. и доп.). - М.: «Деловой двор», 2022.

[12] Бычков А.И. Правила поведения и стандарты доказывания в арбитражном процессе. - М.: «Инфотропик Медиа», 2024. - 108 с.

[13] Курылев С.В. Сущность судебных доказательств // Избранные труды. Минск, 2012. С. 249-251.

[14] Определение Арбитражного суда Красноярского края от 4 декабря 2024 г. по делу N А33-36190/2023. // СПС «Гарант». (дата обращения 17.02.2026).

[15] Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия. N 5 специальный выпуск 2019. С. 40-41.

[16] Пучинский В.К. Гражданский процесс зарубежных стран / под ред. В.В. Безбаха. М., 2008. 579 с.

[17] Постановление Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2023 г. N 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» // СПС «Гарант». (дата обращения 17.02.2026).

References:

- [1] Titova E.S. Formation of the register of creditors' claims: legal aspects. - Moscow: Publishing house "Yur-VAK", 2020 - 84 p.
- [2] See, for example, Kononov R.R. Subordination of creditors' claims in bankruptcy proceedings, journal "Sudya", No. 7, July 2023.
- [3] See, for example, Shaidullin A.I., dissertation for the degree of candidate of legal sciences, Moscow - 2022, 251 p.
- [4] Uvarova Yu. A. Formation and development of the institution of subordination of creditors' claims in Germany / Yu. A. Uvarova. // Young scientist. - 2020. - No. 18 (308). - P. 339-341.
- [5] See, for example, Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of July 28, 2025 No. F07-6159/25 in case No. A56-69778/2023. // SPS "Garant". (date of access 02/17/2026).
- [6] See, for example, Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of November 18, 2024 No. F05-3147/22 in case No. A40-23865/2021. // SPS "Garant". (date of access 02/17/2026).
- [7] See, for example, Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of September 9, 2024 No. F08-7461/24 in case No. A53-5072/2022. // SPS "Garant". (Accessed 17.02.2026).

[8] Handbook of Evidence in Arbitration Proceedings (collective authors; edited by prof. I.V. Reshetnikova) (second edition, revised and enlarged). - M.: "Norma: INFRA-M", 2022. - 480 p.

[9] Karapetyan A.G., Kosarev A.S. Standards of Evidence: An Analytical and Empirical Study // Bulletin of Economic Justice. No. 5, special issue. 2019. pp. 40-41.

[10] Determination of the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13 July 2018 No. 308-ES18-2197 in case No. A32-43610/2015; Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated June 6, 2025 No. F04-4871/21 in case No. A45-19279/2020; Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated March 12, 2025 No. F09-8541/22 in case No. A76-25297/2021. // SPS "Garant". (date of access 02/17/2026).

[11] Safonenkov P.N. Examination for the status of an attorney. Textbook and practical manual (in two parts, part two; second edition, revised and enlarged). - M.: "Delovoy Dvor", 2022.

[12] Bychkov A.I. Rules of conduct and standards of evidence in arbitration proceedings. - M.: "Infotropic Media", 2024. - 108 p.

[13] Kurylev S.V. The essence of judicial evidence // Selected works. Minsk, 2012. Pp. 249-251.

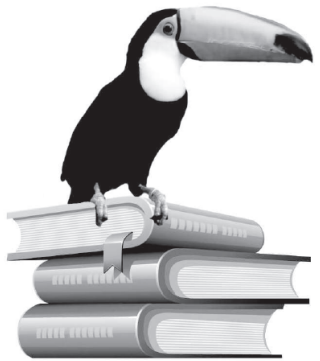
[14] Determination of the Arbitration Court of Krasnoyarsk Krai dated December 4, 2024 in case No. A33-36190/2023. // SPS "Garant". (date of access 02/17/2026).

[15] Karapetyan A.G., Kosarev A.S. Standards of evidence: analytical and empirical study // Bulletin of Economic Justice. No. 5 special issue 2019. Pp. 40-41.

[16] Puchinsky V.K. Civil procedure of foreign countries / edited by V.V. Bezbakh. M., 2008. 579 p.

[17] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 3, 2023 No. 14-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraphs 2 and 3 of Article 428 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen K.V. Matyushov" // SPS "Garant". (date of access 02/17/2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.